

Жанна Агалакова: «Улыбаться в последнее время нечему»

Ирина ВИНОГРАДОВА

Ведущая новостей Первого канала Жанна Агалакова практически не дает интервью, потому что не любит публичность. В жизни она скромная и при первом общении может показаться чрезмерно сдержанной и даже сухой. Но у себя дома она очень гостеприимная и радушная, образ домашней хозяйки никак не вяжется с образом самоуверенной ведущей информационной программы.

— Что вам труднее всего дается на телевидении?

— Хороший вопрос. Ну, наверное, играть роль такой уверенной в себе, все знающей и даже самонадеянной особы. Потому что других, робких и застенчивых людей телевидение не принимает и быстро вышибает. А я как раз робкая и застенчивая, поэтому мне надо хотя бы казаться другой... Так что поначалу приходилось себя ломать.

— Многие публичные люди в жизни совсем некомпанейские и держатся особняком, вы не из них?

— Нет, я как раз очень люблю компанию! Люблю сама устраивать праздники и отмечать их вместе с друзьями. Правда, сейчас с этим стало сложнее. После рождения ребенка приходится подстраиваться под другой ритм жизни, другой режим. Но прежде делала это часто. Хотя не могу сказать, что мой дом был открыт абсолютно для всех. В этом смысле отчасти я закрытый человек. Вообще как только становишься более или менее известным человеком, вдруг ощущаешь на себе повышенное внимание. А не всегда ты к этому готов! Может, поэтому многие публичные люди, как вы говорите, закрываются. Их работа и так видна всем и каждому, и хочется нерабочее время оставить для себя, все личное — в уголочке.

— А когда вы только пришли на ТВ, вам хотелось быть на кого-то похожей?

— Я, наоборот, старалась изо всех сил избежать этого. Но новичку, найти свой стиль очень трудно. Поэтому, наверное, все начинается с подражания. К тому же всегда есть определенные каноны или мода. Когда я начинала, в моде была строгость, серьезность, неприступность. Я старалась создать себе такой образ. А дальше кто-то с ним сживается, а кому-то он не идет.

— Вам удобен этот образ?

— Я бы не сказала, что я такая уж строгая. Но улыбаться в последнее время нечему.

— Вы работали с Владимиром Познером в программе «Времена», какими были ваши отношения за кадром?

— Когда я с ним столкнулась впервые лично, мне было жутковато. Первым делом мне было непонятно, почему именно меня он выбрал на роль соведущей. Я думала, что можно было бы найти кого-нибудь посильнее и поинтересней, чем я. Владимир Владимирович очень мил в общении. Он очень ровный, никогда не сердится и всегда от-

крыт. Или во всяком случае не может сердиться долго. Хотя, конечно, за этой вежливостью тоже кроется многое... Он смотрит на тебя и оценивает — это страшно иногда. Но ничего! Зато всегда интересно, если перед тобой ставят задачи, которые на грани твоих сил. Это интересней и лучше, мы же в XXI веке живем. Так должно быть!

— А у вас есть друзья среди коллег?

— Вы знаете, все мои близкие друзья — они из студенчества. Тогда никто из нас еще не был знаменит. Новыми друзьями потом обретаешь сложно. Знакомствами — да, но не друзьями! Это же процесс сложный, с другом надо пуд соли съесть. Если получается — это великое счастье. Мои хорошие друзья — мои коллеги, моя команда. Мои сотрудники звонили мне в Италию, когда я там полгода сидела, ожидая родов, потом рожая, потом первые месяцы воспитывая... Звонили мне каждую неделю, спрашивали, как я, писали письма. Я никогда этого не забуду! Мы всегда знаем, у кого какая беда случилась, кто заболел или у кого, наоборот, внуки родились. Я говорю сейчас про тех людей, на которых держится телевидение — о режиссерах, ассистентах режиссеров, выпускающих и шеф-редакторах. У меня добрые отношения с Петей Марченко, очень хорошие отношения с Юрой Липатовым, с его женой Юлей Ракчеевой, которая зам. главного редактора на РТР. Мы когда-то начинали все вместе и были одной командой на НТВ. Это как в студенчестве — проходя совместно трудности, осваивая новые вершины, ты понимаешь, кто почем. И тогда ценишь людей лучше.

Имея мужа итальянца, демократа из всех сил и страшного феминиста (если это можно применить к мужчине), я сама исповедую домоостроевские принципы

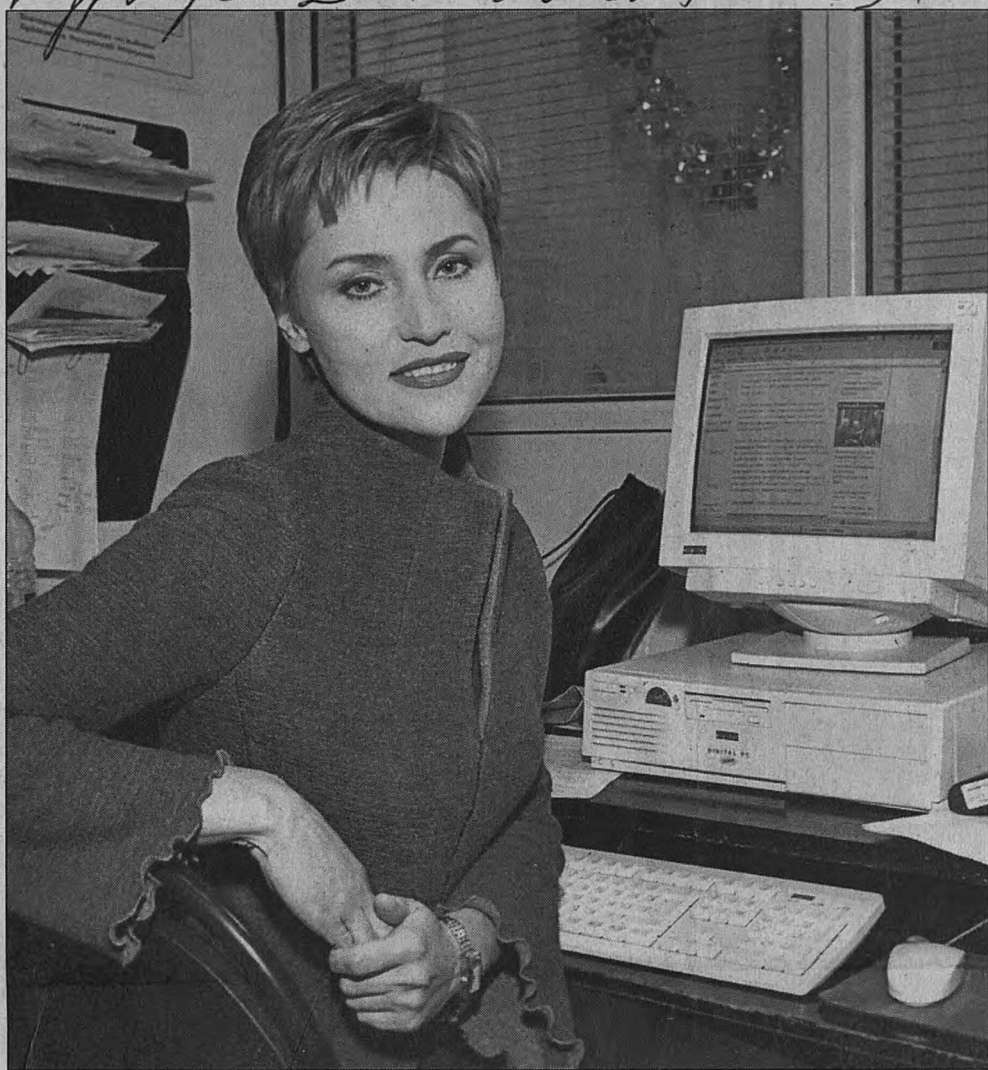
— Говорят, что театр — это интриги, а телевидение — то же самое?

— Я думаю, да, отчасти. Как в любой сфере деятельности, здесь складывается своя иерархия. Ясно, что не каждый сможет сблизиться с Якубовичем. Но все-таки, будучи взрослым, сформировавшимся человеком, завести себе нового друга — это большая, серьезная удача. Найти себе человека, который тебе в ритм дышит по жизни, — это редкость.

— Кого из тех, кто учился вместе с вами на журфаке МГУ, хорошо знает зритель?

— У нас вообще был замечательный курс. С нами учились Юлия Бордовских, Кирилл Кикнадзе, Леша Сонин (он репортер на Первом канале). Многие работают репортерами в регионах для разных каналов. А те, кто учился до нас и после нас, из них уже гораздо меньше людей, которые остались в журналистике. Многие занялись бизнесом.

— Ваш муж Джорджио итальянец. Вы можете сказать, что вам многое не нравится в российских мужчинах?

— Ух! Они все стали такие разные, наши мужчины. Есть те, которые даже делают гигиенический маникюр, и при этом натуралы! Они мне симпатичны. Они следят за собой, всегда хорошо выбриты, у них нормально с усами или с бородкой. А есть совсем опустившиеся люди. Мне кажется, действительно диверсификация произошла очень сильная.

есть «может быть» (мамино). Но несмотря на то что я сама приверженец таких строгих правил, в мужчинах мне почему-то это не нравится. Мужчина должен давать большую свободу женщине. Тогда она, русская женщина, добровольно сама вернется к изначальным, исконно русским традициям и к пониманию того, что мужчина — глава семьи и за ним последнее слово.

— Скажите, а как вы назвали вашу дочку?

— А-ли-че. Аличе, по-нашему Алиса. Мы решили, если будет девочка, будет итальянское имя. Ведь когда она выйдет замуж, то фамилия у нее будет любая — русская, украинская, литовская или какая-нибудь американская, не исключено. А если родится мальчик — мы дадим ему русское имя.

— Вы пока не берете ее с собой на работу?

— Нет, но потом буду носить непременно. Моим коллегам нужно показать такое сокровище. Тем более что все просит.

— Вы неохотно говорите о своем ребенке...

— Я не говорю с журналистами о ребенке, я хочу оградить его от этого.

— А вы «сова»?

— О, нет! Я «жаворонок»!

Мне так здорово вставать рано и ложиться рано. Год назад я вообще попросила начальство перевести меня на дневные новости! Чтобы не возвращаться домой в 2 часа ночи, поскольку сейчас с малышом это сложно. Мне всегда было сложно полуночничать и в 3 ночи ложиться спать. Мне кажется, когда просыпаешься поздно, считай, что полдня потеряно. А я люблю солнышко, я радуюсь ему... Вот если бы вы пришли сюда ко мне домой в ясную погоду, здесь было бы все светом залито! Вон

там у нас солнце встает, и здесь до 15.00 везде много света. Мне жалко упускать такой момент, если я дома. Я люблю, чтоб солнца было много.

— Интересно, когда вы были студенткой, как вы одевались, шпильки или кроссовки?

— Ну шпильки были по случаю всегда! На каблуках ходила всегда, а как же! Это один из способов иметь хорошее настроение. Надел каблуки, что-то взбил здесь на голове, нарисовал губы — и пошел. Каблуки же заставляют спину держать, это важно! Я очень много шила сама. Я была такой рукодельницей, что даже сшила себе четыре пальто. Сама, вообразите! Конечно, хороший технолог швейного производства нашел бы там миллион ошибок и даже не нашел бы там ни одного правильного шва. Но у меня были такие оригинальные пальто! Позже мои подруги даже их у меня выпрашивали, и я, поносив пальто один сезон, с легкостью его отдавала. Потом шла и покупала новую ткань и шила уже следующее модное пальто. Нет, я была модницей! Хотя, конечно, глядя с нынешних позиций, я понимаю, что это была мода какая-то все равно советская, из тех времен. Закрытая мода.

— Вы ведь в общежитии тогда жили?

— Да, но я не там шила, я приезжала домой в Киров на каникулы и занималась этим там. Бывало даже, за 2 дня пальто могла сшить.

— И вязали?

— Прежде вязала себе куртки, какие-то шарфы, свитера. Мне даже захотелось дочке связать что-нибудь эдакое. Я собираюсь скоро в отпуск уйти — может быть, займусь этим. Хотя лучше книжку почитать. На самом деле у меня валяется сумка, которую я затеяла вязать лет 8 назад. В то время на такие сумки была мода, а сей-

час же мода снова возвращается. И я вот думаю, недовязанную 8 лет назад сумку, которая так и болтается со спицами, может, реанимировать и довязать наконец?

— Вы к вещам привязываетесь?

— Есть вещи, к которым я привязываюсь, и от них мне сложно отказаться. Как правило, это «живые» такие вещи, которые тепло либо держат, либо сами отдают. Тепло держат шерстяные вещи. Это вязанные шарфы, например. У меня есть один чудесный шарф, он из ткани, правда. Он очень теплый. Люблю его, обожаю! Года 3–4 я с ним хожу. Хотя регулярно, с методичностью маньяка каждый сезон я покупаю себе миллион других вещей. Но привязываюсь только к одной! Так бывает. Так же с какой-нибудь шелковой кофточкой... Я люблю шелк и шерсть.

— Тогда можно вас назвать в самом лучшем смысле тряпичницей?

— Наверное, все-таки нет. Хотя шопинг я люблю, этот шопинг для меня как терапия отчасти. Бывает, куплю каких-то там вещей, а потом думаю, зачем я купила всю эту красоту? Все равно стиль мой по большей части спортивный.

— А вы человек настроения или в любой ситуации ведете себя так, как надо?

— Знаете, раньше страдала, раньше случались даже депрессии. Может, это было от неуверенности в себе? Тогда часто казалось: «Ой, ну что я сглупила!», «Ну зачем я это сделала! или сказала!» — и настроение портилось на целый день. А сейчас я научилась (уж не знаю даже как, секрет не спрашивайте, само собой получилось) более или менее выравнивать настроение. Даже если все ни к черту, разбила машину (что было совсем недавно), ну и ладно! Полчаса я порасстраиваюсь, а потом жизнь же продолжается! И вообще мне на работу надо бежать и улыбаться там, и выглядеть хорошо! Так что так теперь и происходит — полчаса я расстраиваюсь, а потом снова все хорошо.

— Вам бывает скучно?

— Ой, я даже не помню, когда в последний раз мне было скучно. Вот сегодня, наверное, когда в доме отключили электричество неожиданно. Я даже радио не могу включить и телевизор посмотреть! А скучно мне не бывает, мне всегда есть чем заняться. Я вообще никогда не делаю только что-то одно. Я одновременно завтракаю, читаю газету, слушаю радио и смотрю телевизор. И так всегда. Кормлю ребенка, например, и читаю журнал с какой-то аналитической статьей, которую я должна прочитать.

— Какие качества вашего характера мешают вам в работе?

— Я иногда себе позволяю. Я бы хотела избавиться от лени. Чуткость и ранимость мешают. Иногда напишут про тебя глупость откровенную, обидно. Даже не обидно, а неясно, для чего? Уважаемая мною газета «Аргументы и факты» написала, что у меня муж полицейский, хотя он физик, и что я живу на Мичуринском проспекте, хотя я живу на Ленинградке. Преподаю это как интервью со мной, с прямой речью. А зачем? Не знаю.